

M. Braxatoris (Bratislava, Slovakia)

Философская основа взглядов Павла Йозефа Шафарика на историю славян¹

Аннотация: В данной статье рассматриваются взгляды П.Й. Шафарика на проблемы словацкой национальности, культуры, языка и истории в контексте европейского философского мышления и отечественных идейных традиций. Ссылаясь на исследования словацких и зарубежных ученых, автор соотносит концепцию истории Гердера со взглядами, представленными в «Славянских древностях», «Славянском народописании», «Истории славянских языков и литератур всех наречий», а также и в других работах Шафарика. Кроме прочего, в статье подчеркивается тесная взаимосвязь характеристики и этнической классификации славян Шафарика с современным ему философским мышлением. Внимание также обращается на проблему восприятия народов как образующих историю субъектов, на роль языка как определяющего характеристики народов, а также на вопросы культурного плюрализма и направления истории.

Ключевые слова: П.Й. Шафарик, философия истории, история славян, И.Г. Гердер

M. Braxatoris (Bratislava, Slovakia)

The Philosophical Principles of the P.Y. Šafárik's Outlook on the Slavs History

Abstract: The paper comprises Šafárik's outlook on the problems of the Slovak ethnicity, culture, language and history both into the context of the European philosophical thinking and of the domestic traditions of thought. Following the works of Slovak and foreign researchers, it establishes connections between Herder's conception of history and the viewpoints presented in "Slowanské Starožitnosti" ("Slavic Antiquities"), "Slowanský národopis" ("Slavic Ethnography"), "Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten" ("History of the Slavic Language and Literature by All Vernaculars"), as well as in other Šafárik's works. Besides these, it puts emphasis also on the intercommunication of Šafárik's characteristics and the ethnical classification of the Slavs in terms of the context of the contemporary philosophical thinking, while being centred, inter alia, on the problematics of the perception of the nations as the history-shaping subjects, the role of the language as the determining characteristics of the nations and also on the problems of the cultural plurality and the direction of the history.

Key words: P.J. Šafárik, philosophy of history, Slavic history, J.G. Herder

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта VEGA 2/017/17 «Príležitostná básnická tvorba Juraja Palkoviča, Bohuslava Tablica a Pavla Jozefa Šafárika».

Павел Йозеф Шафарик вошел в историю культуры преимущественно как поэт, историк, этнограф и славист. Однако при этом не стоит забывать о философских аспектах его работ, и это несмотря на то, что он не предложил целостной философской системы. Если мы хотим охарактеризовать его философские взгляды, мы должны, прежде всего, упомянуть, что вместе с Йозефом Добровским, Йозефом Юнгманом, Яном Колларом или Карлом Гавличкой Боровским его относят к представителям «гердерианства» [1: 86]; при этом нередко обращается внимание на тот факт, что то, что традиционно называется «гердерианством», представляет собой очень сложный набор взглядов Иоганна Готфрида фон Гердера, а также его предшественников и последователей [9: 86–87, 4: 559] (см. также [34: 101], ср. [39: 40] и сл.). При реконструкции генезиса взглядов Шафарика исследователю повезло в том, что влияние его учителей на его мышление с детства и юношества представлено в его современной биографии, составленной с его собственных слов [37: 233–291, 337–363]. Во взглядах Шафарика относительно понимания истории наряду с идеями гердерианства усматривают влияние мыслей историка Генриха Людена, классического филолога Генриха Карла Абрахама Эйхштедта, историка Августа Людвиг фон Шлезера [5: 333]. Среди других мыслителей, которые в определенных областях формировали философские мысли Шафарика, можно упомянуть Иоганна Готтлиба Фихте ([8: 50], см. также [6: 136–142]) и в гносеологической области – Якоба Фридриха Фриза [7: 489].

Однако Шафарик не принадлежал к эпигонам упомянутых немецких «образцов» [5: 333]. Его интерес к истории вырос на отечественных традициях, прежде всего на национальной апологетике Яна Балтазара Магина, Якуба Якобеуса, Даниила Синапиуса-Горчички и на произведениях Богуслава Таблица [5: 333]. На развитие его личности влияли идеи просвещения, а также словацкие протестантские традиции. Наряду с рефлексиями школы Гердера и другими упомянутыми влияниями в творчестве Шафарика, а также Ярослава Влчека, можно идентифицировать идеи Руссо – в том числе идею возвращения к природе [34: 41], на которые опиралась также сама философия Гердера [8: 48]. Как отмечает Милослав Войтех, Жан Жак Руссо повлиял на целый ряд словацких предромантических авторов [35: 179]. Мария Дзубакова в контексте культурной среды, в которой работал Шафарик, указывает на то, что следствием влияния Руссо на европейское мышление было акцентирование народных элементов национальных культур [9: 80].

Примечательно, что Шафарик проявлял отвращение к пустым разглагольствованиям и спекулятивной философии еще во время своего обучения (возможно, под влиянием его учителя Й. Генерсиха), что отразилось во взглядах, представленных в раннем поэтическом сборнике «Видение Славомила» [30: 26–44] и вызрело во время его учебы в Йене: среди его учителей были, например, профессор библейского богословия Иоганн Филипп Габлер и Генрих Карл Абрахам Эйхштедт, Генрих Люден и Якоб Фридрих Фриз ([34: 16–17; 8: 55; 7: 487–488], см. также вступительные части [37]). Ярослав Влчек утверждает, что во время учебы в Йене для Шафарика образцом в филологии был Генрих Эйхштедт, в истории Шафарик любил «свободомыслящего энтузиаста за моральные идеалы человечества» и «восторженного патриота» Генриха Людена [34: 16], чье понимание истории и ее целей стало основой исторического мировоззрения Шафарика [34: 16]. В философии он примкнул к Якубу Фризу [34: 17], чьи взгляды, по мнению Влчека, напоминают взгляды Шафарика: исследование себя как основы всей человеческой мудрости, философская антропология как единственный научный источник

познания, моральная мера всех действий человека, сильное стремление к благородной цели, вера в Бога и человеческое достоинство и движение человечества к свету, любви, истине [34: 17].

Самое значительное влияние на философское мышление Шафарика, несомненно, оказал Иоганн Готфрид фон Гердер. Этот философ, который вместе с Фихтом принадлежал к числу учеников Канта, в ряде областей, форм и фаз своего философского мышления выступал в оппозиции к своему учителю. При этом он менял «свое отношение к Канту от личного уважения, как к университетскому преподавателю, через принятие критического метода в отношении к истории философии и французскому просвещению до острой критики кантовской “Критики чистого разума” в работе “Метакритика”» [25: 82]. При этом «Метакритику критики чистого разума» [16] можно характеризовать как прямую борьбу с философией Канта ([3: 19], см. также [24]). Гердер опровергал взгляды Канта на идею пространства и времени, критиковал его высказывания об априорных знаниях, абстрактном разуме и обобщенном опыте и с трудом принимал его пренебрежение историческими и культурными различиями [20: 7; 25: 85]. Указывая на *a posteriori* факты, он набрасывает основы методологического эмпиризма, которые формируют и методологию современных эмпирических наук [25: 85].

О влиянии Гердера обычно говорится в отношении «философии славянской истории» Шафарика, которая отчасти является конкретизацией общей философии человеческой истории Гердера (ср. [8: 55, 58]). Однако значительным оказалось также влияние Гердера и попавшего под его влияние Гете в области эстетики. Известно, например, что понимание Шафариком значения народной поэзии повлияло на то, что он принял [26: 63] концепцию естественной поэзии (*Naturpoesie*) Гердера [11] и связанные с этим эстетические взгляды Гердера и Гете, сторонником которых он являлся [29]. Однако следует подчеркнуть, что он также ссылается на внутренний идейный контекст, а именно, на аргументы Таблица о певучести словаков в Венгрии [29]. Уже на этом месте стоит отметить, что музыкальность он считает одной из фундаментальных характеристик славян [26: 52].

Теперь перейдем к основам понимания Шафариком истории. В XVIII в. философия занималась открытием принципов понимания истории «в целом»; люди воспринимались как природные существа, которые также являются частью исторической и культурной сферы, и, следовательно, новой задачей было найти похожие закономерности в социальной философии. Предполагалось, что эти закономерности «дадут истории направление, которое не только упорядочит события прошлого, но также с помощью проекта общего намерения сделает историю понятной» [36: 52; 2: 457]. В 1784 г. вышла первая часть «Идей к философии истории человечества» [12] Гердера и «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» [21] Канта, которые представляют собой две фундаментальные философско-исторические работы (ср. [25: 81–93, 85]). Методологической основой понимания Гердером истории был так называемый натуралистский историзм, представленный в творчестве Фрэнсиса Бэкона, Баруха Спинозы, Жана Жака Руссо и других представителей современной философии, причем историю человечества Гердер представляет как часть истории природы [8: 48].

«Идеи к философии истории человечества» Гердера ставят историю человечества в контекст истории природы и истории Вселенной, с которой начинается эта двадцатитомная работа. Специфика человека проистекает из прямохождения, разума, языка и религии. Историю человечества он объясняет с учетом формы исто-

рического развития в рамках естественных национальных сообществ, которые он считает решающим субъектом истории и которые четко отличает от искусственных государственных образований. При этом особое значение он придает уникальности и неповторимости отдельных людей и культур, а также среде, истории и традициям, влиявшим на их формирование (перевод на чешский: [18]). Гердер понимает историю как проявление уникальных качеств человечества, обусловленных конкретным местом и временем реализации. Общая история, по его мнению, является сложной моделью, созданной в результате полной реализации человеческих способностей, в рамках которых каждая культура представляет собой уникальный вклад [2: 457; 36: 53]. Акцентируя внимание на человеческом разнообразии, плюрализме и культурной уникальности, Гердер занимает явную оппозицию к Канту и его идее наполнения истории человечества в этическом сообществе под верховенством закона, осуществленном во всемирно-гражданском обществе [25: 83]. При этом Гердер отвергает одностороннее телеологическое понимание истории. По его мнению, каждый прогресс сопровождается упадком [27: 105] и, как в природе, так и в обществе, согласно ему, не преобладает целесообразность, а цепь причинно-следственных связей [5: 330]. Однако его интерпретация учитывает специфику человеческой истории и основана на типе причинных связей, отличных от природных (см. [36: 57] и указанные там источники). Философ истории, по его мнению, не стремится раскрывать универсальные законы [25: 83], но идентифицировать уникальные и неповторимые возможности человеческого духа, которые отражаются в исторических моментах развития человечества и его частей (ср. [28: 91; 27: 105]). История человечества является, по мнению Гердера, историей взаимного влияния и чередования народов во главе человечества, причем каждый народ имеет свое время и место, определяемое, в частности, различными природными (геоклиматическими) условиями, историческими обстоятельствами и культурной, моральной и традиционной спецификой. Философия истории Гердера является антропо-универсалистской и гуманистической. При этом смысл истории заключается в постепенном формировании гуманности [14: 47–50], которая понимается как гармоничное единство человечества из множества личностей, достигших максимальной степени своего уникального предназначения. Антропоуниверсализм и этнический партикуляризм у Гердера не исключаются [5: 330].

С Гердером Шафарика объединяет ряд общих моментов, в том числе акцент на язык и искусство (особенно литературу как его специфическую форму) как решающие характеристики человека и народов ([32: 4; 12: 216–224], ср. также [17: 11–66]). Подобно Гердеру [13: 261], Шафарик (в отличие от Канта, говорящего об особом положении государства в смысле принудительного состояния как условия прогресса) считает государства искусственными образованиями, нередко разделяющими народы как естественно существующие субъекты [32: 3]. При этом Гердер рассматривает единство речи, а также способ мышления и поведения, как определяющие характеристики народов [17: 86–87]. Подобные мысли о неестественности границ государств и первичности языка как формы национального самосознания и способа мышления можно найти в творчестве Фихте [10]. Основой и центром классификации народов Шафарик считает язык, «поскольку образ речи одного народа, хотя, возможно, иногда географически и граждански разделенного и по этой причине использующего разные имена, по содержанию и форме родственная и легко понятная, и все его люди, при помощи школ и народного воспитания, спокойно и без ущерба своему образованию, и для немалой пользы общества, могут использовать один письмен-

ный язык, могут развивать одну литературу, хотя это, возможно, теперь здесь было по-другому» [32: 3]. Так же, как и Гердер, Шафарик подчеркивает естественное множество и разнообразие человечества: «Природа, безусловно, любит, как и в других своих созданиях, так и в образовании племен и языков человеческих, бесконечное разнообразие» [там же]. Можно сказать, что Шафарик с Гердером, а также самой природой разделяет любовь к разнообразию даже в отношении внутренней расчлененности славян. Он считает их одним народом, и, говоря словами Ярослава Влчека, по его мнению, «их речь – один язык, разбитый на диалекты, литература одна, разбитая по климату, истории, религии, способу правления; однако различие это выгодно, оно помогает избежать одностороннего развития, создавая огромное разнообразие и благородное соперничество для общей цели: это не гладкая пальма, это разветвленный дуб» [34: 46]. Подобно Гердеру, Шафарик делает акцент на этническом разнообразии человечества и его составляющих. При этом он выделяет отдельные племена и народы, разделение на которые он основывает на совокупности биологических, языковых и исторических критериев ([33: 23] и сл.). Актуальность биологической специфики он признает лишь в очевидных случаях, причем в качестве примера он противопоставляет негра и калмыка [там же]. Этот выбор не случайный, поскольку одинаковые примеры мы находим у Гердера в «Идеях к философии истории человечества» [12: 213]. Шафарик подчеркивает значительное количество и разнообразие биологических различий и взаимную перемешанность этносов, которые, по его мнению, создают необходимость основывать классификацию на лингвистических критериях, причем предполагается генетическая близость народов, говорящих на родственных языках [33: 23]. Поскольку между биологическими и лингвистическими знаками иногда возникает явное противоречие, он предлагает в качестве третьего применять исторический критерий [33: 24].

Шафарик разрабатывает этнологическую классификацию человечества, при этом он различает племена (например, индоевропейские), семьи (например, винидскую, т. е. балтославянскую), роды (например, славянский), народы (и далее ветви и побеги) [33: 27; 32: 2]. Далее он сопоставляет ее с лингвистической классификацией, причем термин «язык» он использует на том же уровне, что и термин «род», а «речь» на том же уровне, что и «народ» [32: 2]. Языки далее делятся на диалекты – как ряды более или менее родственных речей, «диалекты» делятся на речи, речи – на наречия, наречия – на субдиалекты (говоры), говоры – на разноречия [32: 2–3]. Например, в рамках славянского языка он различает южно-восточный и западный «диалекты», в рамках южновосточного «диалекта» – русскую, болгарскую и илирийскую речи, а в рамках западного «диалекта» – речь лехитскую, чешскую, лужицкосербскую и мертвую полабскую [32: 5]. Словацкий язык в этой классификации имеет статус самостоятельного «венгерско-словацкого» наречия [32: 5], которое далее делится на существующие разноречия. Если исходить из соответствия этнических и лингвистических категорий, другую классификацию Шафарик представил в предыдущей своей работе «История славянского языка и литературы всех наречий» [26], в которой в рамках славянского рода он различает южновосточную и северозападную главные ветви, в рамках другой – отдельно чешский, словацкий, польский и серболужицкий («сербовендский») род [26: 22–26]. Роды в своих наречиях, как правило, развивают собственную литературу, чего, однако, Шафарик не может сказать о словаках, которые, по его мнению, хоть и используют отдельное славянское наречие, но в литературе по серьезным причинам уже на протяжении веков присоединяются к чехам [26: 34].

Шафарик согласен с ранними взглядами Добровского, что словацкий язык является отдельным наречием, более всего похожим на наречие чешское, что объясняет выбор чешского языка в качестве литературного языка словаков со времен реформации [26: 375], причем словаки использовали плоды (позитивные) этого выбора [26: 62]. Однако при этом он указывает, что словацкий, в отличие от соседних наречий, не был адаптирован и доведен до уровня литературного языка [26: 375].

Шафарик вместе с Гердером считает историю людей, народов и человечества непрерывным рядом поколений [7: 490] и в то же время, в соответствии со своими филологическими познаниями и убеждениями, предполагает генетическое родство народов, говорящих на родственных языках [33: 23]. Однако он различает языковое родство подлинное и случайное, из которых первое возникает из общего исторического происхождения, а второе – из более поздней взаимозависимости [33: 23–24]. Из этого легко можно сделать вывод, что типологические различия между «диалектами» он выводит из исторических обстоятельств, которые предшествовали распаду племени на ветви. В своих размышлениях он опирается на исторические упоминания о склавинах и антах (см. напр. [33: 445–481]), но утверждает, что их различие не является достаточным основанием для определения предков юго-восточных и северо-западных славян в целом ([26: 18; 22; 30] и пр.). Историко-сравнительный метод и разные (имеющие отчасти защитный или похвальный характер) исторические размышления в «Истории славянских языков и литератур всех наречий» и в «Славянских древностях» приводят к интересным предположениям о происхождении и древности славянского племени, которые мы, однако, не будем рассматривать. Но отметим, что в сборнике «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравов и словаков» [19] Шафарик, опираясь на языковое родство, выступает в пользу общего происхождения словацкого и чешского «наречий», а также принадлежности словацкого к чешской речи, которая, по его мнению, была «изначально и на рассвете нашей истории совершенно единой, но сейчас, под влиянием различных обстоятельств на протяжении длительного времени, на два основных наречия... разделена» [31: 68]. Следовательно, к вполне адекватному выводу о том, что взгляд Шафарика на протогенез и этногенез славян был центристским, или же среднедунайским и центральновропейским ([22: 287–290], ср. [23: 9], см. [33: 37] и сл., [39: 53]), можно добавить, что его взгляд на отношения чешского и словацкого языков предшествовал гомогенным теориям о возникновении словацкого языка.

Можно констатировать, что этноклассификация Шафарика является историко-лингвистически обоснованным продолжением натуралистически-исторической рефлексии Гердера на мир, природу, человечество и народы, определяемые прежде всего единством речи [17: 86–87] и развивающиеся при различных природных (геоклиматических) и исторических обстоятельствах и на разнообразной морально-культурно-традиционной основе, что приводит к уникальной форме реализации их исторической миссии. При этом каждому из народов, по мнению Гердера, принадлежит уникальная миссия в истории как в процессе гуманизации человечества. Эта характеристика также относится к славянам, которые в концепции Гердера занимают особое место.

Шафарик также принимает идею Гердера о смене отдельных народов на «сцене истории» и верит, что от романских и германских народов историко-гуманистическую эстафету примут славяне [5: 334]. В этом контексте парадигматической является цитата из «Идей к философии человечества» Гердера, на которую указывает

Шафарик как на пророческие слова [26: 57]: «Колесо все переменяющего времени вращается неудержимо, и поскольку славянские нации по большей части населяют самые прекрасные земли Европы, то когда все эти земли будут возделаны, а иноги и представить себе нельзя, потому что законодательство и политика Европы со временем будут все больше поддерживать спокойное трудолюбие и мирные отношения между народами и даже не смогут поступать иначе, то и славянские народы, столь глубоко павшие, некогда столь трудолюбивые и счастливые, пробудятся, наконец, от своего долгого тяжелого сна, сбросят с себя оковы рабства, станут возделывать принадлежащие им прекрасные области земли – от Адриатического моря до Карпат и от Дона до Мульды – и отпразднуют на них свои древние торжества спокойного трудолюбия и торговли» ([15: 42], цитируется по русскому переводу [38: 471], чешский перевод [18: 332]). Подобно Гердеру, и Шафарик выражает надежду, что в условиях общего мира в Европе, обеспеченного более прочно, чем до сих пор, духовная жизнь славян будет развиваться небывало радостно [26: 62].

Идея о принятии историко-гуманистической эстафеты, с одной стороны, опирается на вышеописанное видение Европы, в котором вместо боевого духа будет преобладать спокойная работа и миролюбивые отношения народов, с другой – на характеристику славян, которая традиционно воспринимается как одно из наиболее заметных соответствий взглядов Гердера и Шафарика. В четвертом томе «Идей к философии истории человечества» Гердера [15: 37–43] мы находим описание природы славян, в котором говорится об их доблести и душевном спокойствии или миролюбии, о приверженности к тихому домашнему уюту, тишине, о прилежности в животноводстве, земледелии, искусстве и торговле, о веселье в творчестве, щедрости, расточительном гостеприимстве и любви к свободе. Из отрицательных качеств, плохо влияющих на интересы славян в прошлом и нынешнем, современном мире, Гердер в упомянутой цитате упоминает подчиненность и покорность, неспособность создать постоянную военную структуру, а также стратегически неблагоприятное географическое положение в сравнении с другими народами. Его характеристику воспроизводит Шафарик в «Истории славянского языка и литературы всех наречий» [26: 16–17]. Ссылаясь на Гердера, Шафарик дает свою характеристику славянам [26: 45–58]. Она основывается на благочестии и религии, любви к работе, непосредственной, искренней, простодушной и дружественной радости, любви к родной речи, терпимости и миролюбии, отсутствии жестокости, зверства и брутальности. Далее он пишет о тихой покорности, мягкости, человечности и спокойствии, а также трудолюбии, прилежности в животноводстве и земледелии, в разных отраслях промышленности, торговле и ремеслах. Он говорит о большей склонности славян к веселию и радостному восприятию жизни, чем к хмурой задумчивости и спекулятивности; свежести, живости и бодрости, о сердечности, любезности и чувственности, певучести и любви к народным песням, удовольствии от жизни, гостеприимстве к родственникам и к иностранцам, любви к родной речи и желании ее сохранить и вознести. К этим свойствам он добавляет, например, моральность и порядочность, чистоту в доме, простоту и непринужденность в области домашних народных обычаев, уважение к старости и к заслугам, дружескую и супружескую верность, покорность судьбе. Из отрицательных качеств, возникновение которых он старается объяснить объективными обстоятельствами, связанными с тысячелетними страданиями отдельных племен, он указывает на национальную раздробленность и смешение с соседними народами, препятствующее возникновению сильного национального определения в области морали, речи и территории,

далее половинчатость, разобщенность и слабость как следствие закономерного истощения [26: 45–58]. В «Славянских древностях» Шафарик характеризует взаимосвязь между миролюбием славян и кровавыми битвами: «Высота и ясность места, которое занимает тот или иной народ в истории человечества, определяются не только количеством побед и кровавых битв; пред престолом Судьи, сущего выше нашего неустойчивого ума, имеют ценность и домашние добродетели. Если славяне, любя свою родину, землю, хозяйство, ремесла и купеческую жизнь, не бродили с оружием в руках по миру, а вместо того сносили многие притеснения чужеземцев, то они сохранили таким образом как себя, так и свою прекрасную, собственными руками в плодоносный сад превращенную родину для нас, своих потомков, и через нас – для человечества...» [33: 430–431]. Сходство с философией Гердера в цитируемом тексте очевидно. Если говорить о характеристике славян вообще, то Шафарика сближают с Гердером следующие, например, идеи: миролюбие, трудолюбие, всесторонняя прилежность, веселость и музыкальность, щедрость, а также наличие определенных негативных качеств, вызванных объективными обстоятельствами жизни славян.

В заключение вместе с Рудольфом Дупкалом мы констатируем, что «если Гердер считается создателем “философии истории человечества”, то Шафарика можно характеризовать как инициатора специфической “философии истории славянства”», причем целью концепции истории Шафарика было не только описание исторических фактов, но и «философско-историческое отражение их значения, смысла и ценности для актуального настоящего» [5: 336]. При таком отображении славянской истории Шафарик опирается на довольно широкий спектр концептуальных основ и методологических принципов внутренне дифференцированного территориального и идейно-научного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ / REFERENCES

1. BARNARD, Frederick M.: *Herder on Nationality, Humanity, and History*. McGill-Queen's Press – MQUP, 2003, 185 s.
2. ANDERSON-GOLD, Sharon: Kant and Herder . In: Tucker, Aviezer (ed.): *A Companion to the Philosophy of History and Historiography*. Wiley-Blackwell, 2009, 576 s.
3. CVRKAL, Ivan: J. G. Herder – učiteľ ľudskosti. In: HERDER, Johann Gottfried: *Kalligona*. Bratislava: Tatran, 1987, s. 5–28.
4. DVOŘÁK, Karel: Doslov. In: ČELAKOVSKÝ, František Ladislav: *Slovanské národní písně*. Kritické vydání, ed. Karel Dvořák. Praha: Ladislav Kuncíř, 1946, s. 538–615.
5. DUPKALA, Rudolf: *Herderova “filozofia humanity” a jej ohlas na Slovensku v tvorbe J. Kollára a P.J. Šafárika*. Doctrina. Studia społeczno-polityczne 2, 2005, s. 329–336.
6. DUPKALA, Rudolf: Pavol Jozef Šafárik ako filozof. (Filozofické východiská a rozmery tvorby P.J. Šafárika). In: *Slavica Slovaca*, 1996, 31, č. 2, s. 136–142.
7. DUPKALA, Rudolf: Šafárik a filozofia (Reflexie európskej novovekej filozofie v tvorbe P. J. Šafárika). In: *Pavol Jozef Šafárik a slavistika. Zborník príspevkov a dokumentov z vedeckej konferencie z osláv 200. výročia narodenia P.J. Šafárika*. Acta Facultatis philosophicae Universitatis Šafaricanae. Literárnovedný zborník 12 / Jazykovedný zborník 13 / Historický zborník 5 (AFPh UŠ 79). Prešov – Martin: FF UPJŠ – MS, 1996, s. 487–496.
8. DUPKALA, Rudolf: Úvod do filozofie dejín. Príspevok k problematike historiosofie. Bardejov, Fotopress 1998, 156 s.

9. DZUBÁKOVÁ, Mária: Pavel J. Šafárik a ľudová slovesnosť. In: Andrej Mráz, Viktor Kochol, Cyril Kraus a kol.: *Pavel Jozef Šafárik*. Litteraria IV. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1961, s. 87.
10. FICHTE, Johann Gottlieb: *Reden an die deutsche Nation*. Berlin: In der Realschulbuchhandlung, 1808, 490 s.
11. HERDER, Johann Gottfried von: Auszug aus einem Briefwechsel über Offian und die Lieder alter Völker. In: HERDER, Johann Gottfried von: *Von Deutscher Art und Kunst*. Hamburg, 1773. s. 3–70 a s. 113–118.
12. HERDER, Johann Gottfried von: *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Erster Theil*. Riga und Leipzig: bei Johann Friedrich Hartknoch, 1784, 318 s.
13. HERDER, Johann Gottfried von: *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Zweiter Theil*. Riga und Leipzig: bei Johann Friedrich Hartknoch, 1785, 344 s.
14. HERDER, Johann Gottfried von: *Ideen zur Geschichte der Menschheit. Dritter Band*. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1869, 276 s.
15. HERDER, Johann Gottfried von: *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Vierter Theil*. Riga und Leipzig: bei Johann Friedrich Hartknoch, 1792, 418 s.
16. HERDER, Johann Gottfried: *Eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft*. Frankfurt und Leipzig [Hartknoch], 1799, 266 s.
17. HERDER, Johann Gottfried: *Uměním k lidskosti: úvahy o jazyce a literatuře*. Praha: Oikoymenh, 2006, 281 s.
18. HERDER, Johann Gottfried von.: *Vývoj lidskosti*. Překlad Jan Patočka. V Praze: Jan Laichter, 1941, xxxiii, 469 s.
19. *Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky*. W Praze: W kommissi u Kronbergra i Riwnáče, 1846, 240 s.
20. KELLEY, Donald R.: *Fortunes of History: Historical Inquiry from Herder to Huizinga*. New Haven: Yale University Press, 2003, 440 s.
21. KANT, Immanuel: Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. In: *Berlinische Monatsschrift*, November 1784, S. 385–411.
22. KRAJČOVIČ, Rudolf: P.J. Šafárik a etnogenéza Slovanov. In: *Pavol Jozef Šafárik a slavistika. Zborník príspevkov a dokumentov z vedeckej konferencie z osláv 200. výročia narodenia P.J. Šafárika*. Acta Facultatis philosophicae Universitatis Šafarikanae. Literárnovedný zborník 12 / Jazykovedný zborník 13 / Historický zborník 5 (AFPh UŠ 79). Prešov – Martin: FF UPJŠ – MS, 1996, s. 287–290.
23. KRAJČOVIČ, Rudolf: *Pôvod a vývin slovenského jazyka*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1981, 240 s.
24. KVOKAČKA, Adrián: *Filozoficko-estetické aspekty kategórie vznešeného u I. Kanta a v dejinách filozofie*. Prešov. Filozofická fakulta PU, 2010, 174 s.
25. KYSLAN, Peter: *Kant a Herder: kozmopolitizmus a multikulturalizmus*. In: *Studia Philosophica Kantiana*, 2/2015, s. 81–93.
26. SCHAFFARIK, Paul Joseph: *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*. Ofen: Mit kön.ung. Universitäts Schriften, 1826, 524 s.
27. SIKKA, Sonia: *Herder on Humanity and Cultural Difference: Enlightened Relativism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, 279 s.
28. SIKKA, Sonia: Johann Gottfried Herder. In: NENON, Thomas (ed.): *Kant, Kantianism, and Idealism: The Origins of Continental Philosophy*. London and New York: Routledge, 2014, s. 83–106.

29. ŠAFAŘÍK, Pavel Josef: Promluvení k Slovákům. In: *Prvotiny pěkných vměnj, neb liternej prjloh k cýsařským král.* Wjdeňským nowinám na rok 1817, č. 1.
30. ŠAFAŘÍK, Pavel Josef: *Tatranská múza s lýrou slovanskou.* V Praze: František Borový, 1886, 84 s.
31. ŠAFAŘÍK, Pawel Josef: IX. Pawel Josef Šafařík (Kustos c. kr. bibliotéky w Praze, nar. w uherském Slowensku l. 1795). In: *Hlasowé o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky.* W Praze: W kommissí u Kronbergra i Řiwnáče, 1846, s. 65–88.
32. ŠAFÁRIK: Pavel Jozef: *Slowanský národopis.* W Praze: Nákladem Wydawatele, 1842, 187 s.
33. ŠAFAŘJK, Pavel Josef: *Slowanské Starožitnosti. Oddjl děgepisný.* W Praze: tiskem J. Spurného, 1837, 1005 s.
34. VLČEK, Jaroslav: *Pavel Josef Šafařík.* V Praze: Bursík & Kohout 1896, 101 s.
35. VOJTECH, Miloslav: Genéza slovenského básnického preromantizmu a európsky literárny kontext. In: *Česko-slovenské vztahy v slovanských a středoevropských souvislostech: (meziliterárnost a areál).* Brno: Masarykova Univerzita, 2003, s. 175–194.
36. ZÁKUTNÁ, Sandra: Kant a Herder v kontexte filozofie dejín (komentár k štúdiu Sharon Anderson-Gold). In: *Studia Philosophica Kantiana*, 1/2012, s. 50–58.
37. ZÍBRT, Čeněk: Co vyprávěl P.J. Šafařík rodině o svém mládí a životě. In: *Časopis Musea Království českého.* Roč. 83. Praha: Museum Království českého, 1909, s. 233–291 a s. 337–363.
38. ГЕРДЕР, Иоганн Готфрид: Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. Москва: Наука, 1977. 703 с. / HERDER, Johann Gottfried: *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit.* Berlin, 2013. 676 S.
39. СОБЪСТІАНСКІЙ, Иванъ Михайловичъ: Ученія о национальныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Харьковъ: Типографія А.Н. Гусева, 1892. 336, XI с. / SOBESTIANSKY Ivan Mikhaylovich: *Studies on the National Characteristics and Juridical Existence of the Ancient Slavs.* Kharkov: Typography of A.N. Gusev, 1892. 336, XI p.

Сведения об авторе:

Мартин Браксаторис,
доктор философии
научный сотрудник
Институт словацкой литературы,
Словацкая Академия наук

Martin Braxatoris,
Doctor of Philosophy
Researcher
Institute of Slovak Literature,
Slovak Academy of Sciences

braxatoris@mail.ru